

Шарль Коклен СТАРИННЫЕ БАНКИ¹ (Извлечение)

Первый банк, о котором упоминает история, был Венецианский, учрежденный около половины XII столетия. Андерсон в своей «Истории торговли» относит время учреждения его к 1175 году; другие указывают на 1171 год. Старинный писатель Клерак, адвокат в Бордо, писавший в 1657 году, который, как кажется, имел самые достоверные сведения, утверждает, что в Венеции было три банка, или лучше три учреждения, составлявшие все вместе один и тот же банк, а именно: *Монте-Веккио*, основанный около 1156 года, в правление дожа Михаила Витали, *Монте-Ново*, учрежденный в 1380, и *Монте-Новиссимо*, получивший свое начало в правление дожа Леонардо Лоредано в 1410 году. Соединение этих трех банков, говорит Клерак, и было названо *Венецианским банком*.

По словам того же писателя, учреждение каждого из этих трех банков было финансовым средством, употребленным правительством для удовлетворения некоторых настоятельных нужд государства. В правление дожа Михаила Витали республика, изнуренная войной, которую вела с Византией, прибегла к принудительному займу у богатых граждан. Заем был сделан посредством установления ренты, на уплату которой ассигновали доходы с государственных имуществ. Кредиторы государства образовали палату, составившую первый зародыш банка, первоначальным капиталом которого была государственная рента. *Монте-Ново*, по словам того же Клерака, был основан для поддержания Феррарской войны, а *Монте-Новиссимо* — для восстановления финансов республики, расстроенных войной, продолжавшейся семь лет.

Трудно себе представить, каким образом три различных учреждения могли составить один и тот же банк. Во всяком случае всё относящееся до возникновения и первых дней Венецианского банка весьма темно. Известно только, что первоначальное устройство его было изменено в 1857 году эдиктом, по которому он в то же время получил от государства капитал в 5 миллионов дукатов, который считался в долгу за банком, но по которому банк не платил процентов.

Касательно же операций Венецианского банка можно сказать, что они были почти одинаковы со всеми сохранными банками (депозитными), учреждавшимися впоследствии. Они принимали вклады от частных лиц и соразмерно этим вкладам открывали последним кредит в своих книгах. Этот кредит передавался от одного лица к другому посредством уступки и трансферта по книгам; это называлось взаимным переводом векселей. Впрочем, кажется, что и до учреждения банка в Венеции производились платежи таким же образом, подобно тому, как впоследствии это делалось в Лионе. Достоверно можно сказать только то,

¹ Коклен Ш. Старинные банки // Ш. Коклен. О кредите и о банках. СПб. : Изд. товарищества «Общественная польза», 1861. С. 42—68.

что банк доставил этим операциям новые гарантии и придал им более обширное употребление.

«Относительно большей части банков, основанных наподобие Венецианского, можно вообще заметить, — говорит г. Галле, — что до конца XVI столетия они не были частными предприятиями, но учреждениями государственными или муниципальными (городскими и основанными, управляемыми и часто ссужаемыми государством или городом, в котором они находились); им были предоставлены привилегии или монополии, в силу которых известного рода операции не могли производиться без их участия; и наконец, что при основании их учреждалась для них мнимая или условная монета, имевшая определенную ценность и большей частью превосходившая нарицательной ценой ходячую монету, посредством которой производились уплаты, прием капиталов и счета по курсу, часто менявшемуся».

Здесь может родиться вопрос, почему большая часть учреждавшихся в то время банков усваивали себе мнимую монету? Вопрос этот легко объясняется, если примем в соображение, что подделка монеты в большей части европейских государств считалась обыкновенным финансовым средством и что республики, в которых учреждались банки, хотя и были ограждены от этого злоупотребления относительным достоинством своей администрации, не были защищены от наводнения поддельных иностранных монет, производивших потрясения в их торговых оборотах. Для придания торговым операциям более прочного основания в банках стали употреблять идеальную монету, не подвергавшуюся никакой подделке. При приеме серебряной и золотой монеты в кассу одного из банков последний перелагал ее, конечно, после произведенной пробы для узнавания заключавшегося в ней количества чистого металла, на избранную им идеальную монету, придавая первой, для большей безопасности, ценность, меньшую той, которую она имела в действительности.

Замена ходячей монеты идеальной есть, может быть, самая важная заслуга, которую оказали старинные депозитные банки. Этим по крайней мере они придали большую верность коммерческим сделкам и одарили торговые города кредитом относительно гораздо большим того, который существовал в других местах. Прибавим к тому, что, дав возможность торговцам производить платежи и выдачи посредством простых надписей, они освободили их, в некоторой степени, от затруднений и расходов, с которыми обыкновенно сопряжены употребление и перевозка звонкой монеты. Но они не исполнили вполне тех существенных обязанностей, которые мы возлагаем на банки в наше время. Может быть, время не благоприятствовало еще выполнению подобной задачи. Но надо сказать также, что учреждения, основанные общественной властью и ограниченные ею, не были в состоянии исполнить ее.

Венецианский банк существовал до 1797 года, когда он пал под ударами завоевания вместе с республикой, учредившей его.

Придерживаясь хронологического порядка, после Венецианского банка мы находим Барселонский, основанный, как кажется, в конце XIV столетия, под гарантией муниципальных властей этого города. Но так как это учреждение, не представлявшее никаких особенностей, не играло большой роли в торговом мире, то мы не станем останавливаться на нем.

Палаццо Сан-Джорджо, где помещалось правление банка св. Георгия

Почти при тех же самых обстоятельствах, в которых находилась в XII веке Венецианская республика, в 1107 году был основан в Генуе банк, названный банком святого Георгия.

Основной капитал его состоял также из государственного долга частным лицам, для обеспечения которого ему отдан был остров Корсика и некоторые другие имения. Учрежденный наподобие Венецианского банка, он, как и последний, получал вклады и таким же образом производил платежи частных лиц. Управление им было поручено восьми директорам, избиравшимся из среды участников. Он также имел свою особенную монету, стоимость которой превышала на 15 % ходячую монету.

Однако ж внутренняя и внешняя войны, которым постоянно подвергалась Генуэзская республика, заставляли последнюю часто прибегать к займам, и банк св. Георгия был так часто призываем к посредничеству в этих операциях, что может быть назван скорее кассой государствен-

ных займов, чем торговым учреждением. Ограбленный в 1740 году австрийцами, он прекратил свои платежи, но идеальная монета, на которую велись его счета, осталась в употреблении, изменив только название: вместо *valuta di banco*, она стала называться *valuta di permesso*.

Амстердамский банк, основанный 31 января 1609 года, почти на тех же самых началах, ограничивался довольно строго, по крайней мере в продолжение большей части своего существования, одними торговыми операциями. Он находился под покровительством города и под властью бургомистров. Хотя он основан позже, по своим торговым значениям превосходил все поименованные нами выше банки и был самым значительным из всех существовавших в то время банков. Одним из государственных статуты было постановлено, что все векселя в 600 флоринов и выше должны быть уплачиваемы *банковской* монетой (*бансо*). Мера строгая, значительно способствовавшая всеобщему распространению в стране употребления банковской монеты. Вскоре он сделался депозитной и сберегательной кассой города и соседних провинций, хотя и не исполнял главных обязанностей настоящей сберегательной кассы, т.е. не платил процентов на вверенные ему вклады. Он выдавал своим вкладчикам свидетельства, которые можно было передавать с платежом незначительной пошлины. Частные лица, вверившие ему свои капиталы, могли вынимать их, платя проценты пошлины за сохранение.

Он принимал звонкую монету только с вычетом 5 %, что объясняет, почему банковская монета имела всегда в обращении ценность немного большую, нежели звонкая монета. Банк открывал новые счета только с платежом премии в 18 флоринов. Город Амстердам ручался за неприкосновенность вкладов, которые долгое время банк сохранял в целости.

По-видимому, кроме коммерческих выгод, которые имелись в виду при учреждении депозитных банков, во многих городах, где они были основаны, предполагали обратить их в источник государственных доходов. Во-первых, это можно предполагать из того довольно странного постановления, по которому торговцы

были обязаны производить некоторые уплаты непременно банковской монетой. Между прочим, положительно известно, что многие из этих учреждений доставляли городам, в которых они находились, довольно значительные выгоды. Адам Смит подтверждает это предположение касательно Амстердамского банка, следующими словами: «Банк доставляет городу Амстердаму значительный доход, независимо от платимой ему пошлины за складку товаров».

Всякий, кто открывает первый счет в банке, платит ему за то 18 флоринов и 33 флорина 3 стиверса за возобновление последующих счетов; он платит также 2 стиверса за каждый трансферт в книгах и 6 стиверсов, если трансферт составляет сумму менее 300 флоринов. Тот, кто не производит баланс своих счетов два раза в год, подвергается штрафу в 25 флоринов. Тот, кто переводит деньги на сумму, большую той, которая обозначена в книгах, получает отказ и платит штраф в 3 % с превышающей суммы. Полагают также, что банк получает большие выгоды от продажи иностранной монеты и слитков, которые, вследствие истечения срока, в росписях остаются у него, и которые он удерживает у себя для того, чтоб продать их с наибольшей выгодой; он извлекает еще выгоду от продажи банковской монеты с 5 % лажа и покупки ее с 4 % лажа».

Адам Смит полагает, что эти доходы были случайны, что их не предвидели при основании банка и что потому они не имели никакого значения в побудительных причинах его основания. Касательно Амстердамского банка это возможно, хотя сомнительно; но в устройстве Нюрнбергского банка, основанного несколько лет спустя, в 1621 году, ясно обнаруживается намерение получать таким способом прибыль. В Нюрнберgere все роды товаров, превышающих сумму 200 флоринов, и векселя свыше 50 флоринов должны были уплачиваться в банк, под условием штрафа 10 % с суммы сделки. Между прочим, платилось 3 крейцера за каждые сто флоринов, *уплаченных или полученных* в банке. Это еще не все. Иностранцам было позволено покупать товары на сумму свыше 200 флоринов и платить за них звонкой монетой; но, когда те же самые иностранцы продавали туземцам, последним было дозволено вычитывать из всей продажной суммы 3 крейцера с каждой сотни флоринов для уплаты банку и уплачивать ему вдвойне, так как в этом случае подобная сумма требовалась с обеих сторон. Но все эти злоупотребительные ограничения не существовали в Венецианском банке, где все сделки производились бесплатно.

Хотя Амстердамский банк долгое время верно сохранял вверенные ему вклады, но, наконец, отказался от своей системы.

Известно, что Голландия два раза была занимаема французскими войсками. В первый раз (это было в царствование Людовика XIV, в 1627 году), когда торговля потребовала возвращения фондов из банка, вклады оказались нетронутыми. На монетах найдены были даже следы пожара, случившегося в скором времени после основания этого учреждения и уничтожившего часть городской ратуши; а это доказывало, что капиталы все время оставались без перемещения. Но во второй

В здании ратуши в 1609 году располагался Амстердамский банк (Питер Янс Санредам, 1657)

раз (во Французскую революцию) банк не был в состоянии возратить все свои вклады и, к общему удивлению, оказалось, что директора дали 24 000 000 франков в ссуду штатам Голландии и Фрисландии. С этой поры Амстердамский банк потерял кредит, который впоследствии никогда не мог уже возратить вполне. В 1814 году он был заменен банком нового устройства вроде Лондонского и Парижского.

Если бы Гамбургский банк, основанный в 1619 году, представлял какие-нибудь характеристические особенности, нам было бы легко, и столь же поучительно, изложить его историю, которая известна до малейших подробностей благодаря сочинению Бюша (сочинение это переведено на французский язык: *La Banque de Hambourg, rendue facile*). Но этот банк не отличался ничем существенным от названных нами: действия его ограничивались теми же оборотами, которые он производил теми же способами. Можно к чести этого банка, или скорее к чести города, основавшего его и покровительствовавшего ему, сказать, что он никогда не стремился увеличить свою прибыль в ущерб торговле и всегда имел хорошее управление. Поэтому и кредит его, подвергавшийся колебаниям вследствие посторонних причин, как, например, подделки монет князьями Германской империи или вследствие занятия страны иностранными войсками, постоянно возвышался после подобных кризисов. Это, впрочем, единственный из старинных депозитных банков, который продолжал существовать до наших дней.

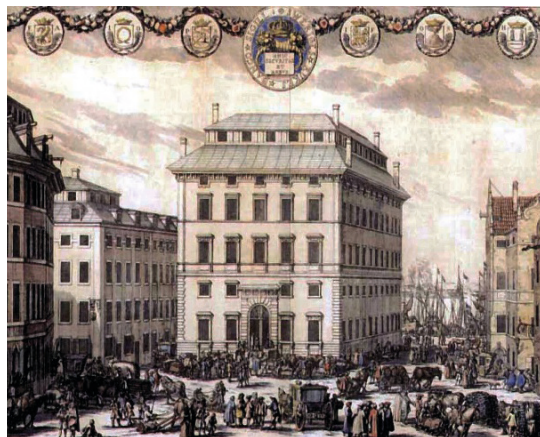
Роттердамский банк, основанный 18 августа 1635 года, был также, почти во всех отношениях, сходен с Амстердамским. Единственное достойное внимания различие состояло в том, что этот банк позволял негодьям вести счета с ним банковской монетой или звонкой, по желанию. Когда сделки производились на звонкую монету, плата, взимаемая банком, была выше, так что такой способ был невыгоден. Но банковские билеты были предназначены к уплате по иностранным векселям на Роттердам, тогда как звонкая монета служила для уплаты векселей города за границы.

Из всех старинных банков особенного внимания заслуживает Стокгольмский. Вольтер, в своей *«Истории Карла XII»*, не совсем основательно утверждает, что

это самый древний банк в Европе. На самом же деле он основан в 1668 году, т.е. позднее Амстердамского и Гамбургского, и гораздо позже Генуэзского и Венецианского банков; но особенно важно то, что он первый ввел в употребление банковские билеты. «Расписки, — говорит г. Готье, — выдаваемые Стокгольмским банком негодьям, помещавшим в нем свои вклады, обращались действительно во всей Швеции наравне с звонкой монетой; они принимались при уплатах за всякие товары, и даже, со времени эдикта 11 января 1726 года, для платежей по векселям».

Что еще замечательнее, и о чем г. Готье не упоминает, это то, что Стокгольмский банк был, кажется, первым образцом учреждения поземельного кредита, который распространен теперь в большей части Германии.

Действительно, говорят некоторые иностранные писатели, это был ломбард, т.е. учреждение, выдающее ссуды под залог; но ломбард, в котором вместо драгоценных ве-

Стокгольмский банк. Фрагмент с литографии в издании Эрика Дальберга «Швеция античная и современная»

щей принимались в залог недвижимые имущества, до трех четвертей их ценности. Правда, ссуды производились и под залог золота и серебра и других товаров, не подверженных порче, но все-таки производство ссуд под залог недвижимых имений было общим правилом. Мало того, немного позднее, в 1752 году, когда с ужасом было замечено, что большая часть недвижимых имуществ поступила, вследствие отчуждения или выкупа, во владение банка, который угрожал таким образом через несколько веков сделаться единственным землевладельцем в государстве, было постановлено, что с 1754 года землевладельцы, должники банка, могли уплачивать ему свои долги мало-помалу, выдавая, кроме процентов, ежегодную премию в 5 % до погашения долга. В этом заключаются основные начала учреждения поземельного кредита. Но данные, которые мы имеем об операциях Стокгольмского банка, слишком неполны, чтоб можно было себе составить понятие о характере этого учреждения.

До сих пор, как видно из предыдущего, круг действий коммерческих банков был очень ограничен. Банки не стремились к развитию кредита, они не производили ни учета векселей, ни ссуд наличными деньгами, ни выпуска билетов; вся деятельность их состояла в облегчении частным лицам платежей посредством простых надписей и без передачи звонкой монеты.

Из этого нельзя заключить, что обращение билетов было неизвестно в то время; можно положительно сказать, что обращение их было принято в Венеции еще в XV столетии; но Республика испугалась внезапного исчезновения монеты, что было необходимым следствием появления билетов, и так как она в то время вела отдаленные войны, требовавшие значительных сумм звонкой монеты, то поспешила снова привлечь звонкую монету, запретив решительно всякие платежи билетами. С тех пор эта попытка не была нигде возобновляема, по крайней мере постоянным и правильным образом.

Удивительно, что такие промышленные и торговые города, как Венеция, Амстердам и Гамбург, не шли вперед на этом обильном поприще, на которое они вступили: что они остановились, так сказать, у преддверия кредита, не стараясь в него проникнуть. Оставалось сделать один шаг.

Вклады в банках возрастали до значительных сумм; легко было бы понять всю выгоду, которую можно было извлечь из этих праздных ценностей, пустив их в обращение иным путем. Наконец, это можно было бы сделать без всяких опасений, если б банки позаботились предварительно собрать свой собственный резервный капитал, который мог бы служить обеспечением для вкладчиков. Тем более, что опыт доказал, что вклады долго лежали в кассах и вынимались только небольшими суммами, тотчас же замещавшимися другими вкладами; довольно было бы держать постоянно в кассах сумму денег, достаточную для удовлетворения всех случайных требований. Остальная сумма, составляя действительный излишек, совершенно безопасно могла быть возвращена торговле посредством учета векселей.

Таким образом банки, вступив на поприще кредита, увеличили бы средство обращения. Этот первый шаг повел бы их к другому выпуску банковских билетов, который находится в тесной связи с учетом, и тогда банки, без усилий, стали бы на ту точку, которую они достигли в наше время. Странно кажется, как эта мысль не пришла в голову искусным негоциантам, которых было такое множество в зна-

чительных городах; или, вернее сказать, если эта мысль приходила им на ум, что мы вправе предполагать, почему они не подумали серьезно об осуществлении ее. Это легко объясняется. Надобно, во-первых, припомнить, что повсюду, где существовали старинные банки, вклады принимались не иначе, как с разрешения города или правительства, которые таким образом делались поручителями. Предполагать этими вкладами, даже с похвальной целью и с достаточным ручательством, было бы в некотором отношении злоупотреблять общественным доверием. Что было прилично для общества, состоящего из частных лиц, и закона, не годилось бы общественным властям, бороться с которыми не так легко. К тому же мы видели, что такая система потребовала бы предварительного устройства запасного капитала, иначе возможность несостоятельности, возбуждая опасения вкладчиков, заставляла бы их вынимать преждевременно свои вклады, а общественные власти не могли и подумать подчинить себя такому обязательству. Была еще другая причина. Вначале депозитные банки были учреждены для производства посредством взаимных переводов векселей, платежей по всем долгам негочантов между собой. Кроме того, в некоторых городах они имели в виду установление монеты идеальной, не подверженной никаким изменениям под именем банковской. В эпоху, когда подделки монеты, столь частые во многих европейских государствах, беспрестанно производили беспорядок в коммерческих сношениях, торговые республики старались избежать бедственных последствий подобного злоупотребления, вводя вместо звонкой монеты, подверженной изменениям, идеальную монету, никогда не изменяющуюся. Отсюда и происходит образование общественных касс, куда приносилась звонкая монета и где она принималась по своей внутренней ценности, т.е. количеству заключавшегося в ней чистого золота и серебра, — отсюда и предложение ввести идеальную монету, называвшуюся банковской монетой; отсюда, наконец, правило производить платежи посредством передачи кредитных знаков или простых надписей, во избежание столь опасного в то время употребления звонкой монеты. Понятно, что если бы банки тотчас же пускали в обращение, в виде ссуд, деньги, получаемые ими в виде вкладов, то главная цель их учреждения не была бы достигнута. Но как бы ни был ограничен круг операций тогдашних банков, они принесли, несомненно, много пользы в свое время. В эпоху, когда монеты повсюду подделывались, к большому ущербу частных лиц и в особенности торговле, много терпевшей от того, очень важно было установить около себя употребление постоянной и не меняющейся в своей ценности монеты; этим не только торговля предохранялась от действительных потерь, причиняемых ей подделкой монеты, но и восстанавливались безопасность и доверие, колебавшиеся от одного только опасения в возможности подделки монеты. Посредством этого банки действительно давали своим городам относительно большой кредит. Важно было и доставляемое ими удобство: производись все платежи посредством удобного и легкого трансферта; этим они много способствовали к упрочению и развитию в этих городах торговой деятельности. Но впоследствии, когда жалкая мера подделки монеты была оставлена всеми европейскими правительствами, польза этих банков уменьшилась; при настоящих отношениях и нуждах они не имели бы никакого значения.

Только с основания Английского банка начинается новая эра другого рода кредитных учреждений, которые можно назвать *новыми банками*.

Лондонский банк и частные банки

Английский банк основан штатгальтером Голландии, вступившим на престол Англии под именем Вильгельма III, и устроен по образцу Голландского банка. Но, сколько известно, план был составлен шотландским дворянином Вильямом Паттерсоном. Без сомнения, во многом он был составлен по образцу существовавших уже до него банков; однако ж он с самого начала уклонился от правил, которым до тех пор следовали. На самом деле нельзя сказать положительно, что до него другие банки не делали подобных операций; известно только то, что самые важные из них, как, например, выпуск в обращение билетов, хотя и существовал, но только в виде отдельных попыток; между тем как он постоянно занимался выпуском билетов. Вследствие этого он сделался образцом подобного рода учреждений, которые впоследствии распространились повсеместно.

Время основания его относится к XVII веку. Парламентский акт разрешил открыть подписку в 1 200 000 фунтов стерлингов (7 500 000 руб.), которая и была окончена в десять дней. Вскоре после того вышел акт об учреждении банка, которому были предоставлены все привилегии корпорации; хартия об учреждении этого банка дана 27 июля 1694 года. В силу этой хартии банку было дозволено торговать всевозможными билетами или коммерческими бумагами, как, например, векселями, также золотом и серебром в монете или слитках и проч., принимать в залог всякого рода товары, выдавать произведения, получаемые с заложенных земель, производить ссуды правительству, но предварительно получив на это разрешение палат, которые в этом случае должны были заботиться об уплате процентов; наконец, выдавать предъявителю векселя, уплачиваемые по предъявлении и на предъявителя, но только не свыше всей суммы основного его капитала, только в том случае, разве, когда парламентский акт позволит ему увеличить выпуск билетов. Таким образом, Английский банк с того же времени

Английский банк

соединил в себе все таковые условия коммерческих банков; но другая статья акта с самого начала изменила его условие.

В силу этой статьи банк обязывался взамен данных ему привилегий передать правительству весь свой капитал в виде займа. Лучше сказать, взнос этого капитала в казну предшествовал учреждению банка, и так как финансы государства находились в плохом состоянии, то это и было главной причиной дарования ему подобных привилегий. Таким образом, для коммерческих оборотов у него остался только безвозвратный долг на правительстве и годовой доход в 96 000 фунтов стерлингов, как проценты с долга, считая по 8 на 100, и 4 000 фунтов стерлингов, которые были ассигнованы на уплаты издержек банка по сношениям его с *Шахматной доской*, или Государственным казначейством, всего 100 000 фунтов стерлингов (625 000 руб.). С этим-то незначительным доходом, при отсутствии всякого свободного капитала, он был принужден начать выпуск билетов и положить основание тому колоссальному кредиту, к которому он с тех пор постоянно стремился. Он неуклонно шел к положенной себе цели и всем известен результат его стремлений².

Однако, несмотря на этот факт, мы все-таки скажем, что эта более чем смелая попытка не должна была иметь подобный успех. Под теми условиями, под которыми находился Английский банк, он должен был или погибнуть, или пуститься в менее обширные операции, которыми довольствовались до тех пор остальные банки. Выпуск в обращение билетов подвергал его большой опасности, потому что он не имел в запасе капитала, который бы мог убедить публику в прочности банка. Поэтому развитие его вначале было медленно и трудно. В продолжении шестнадцати лет ему стоило страшных усилий бороться против справедливых предубеждений публики. В 1696 году, во время переливки монеты, он находился в гибельном положении, так что был вынужден приостановить платежи по своим билетам. Несмотря на закон, придававший бумагам его обязательный курс, билеты его упали на 20 процентов; печальное доказательство преждевременной дряхлости; первый признак расстройства, предсказывавший ему, по-видимому, самый несчастный исход. Однако ж благодаря редкой твердости и постоянному покровительству парламента, он удержался в этих критических обстоятельствах. Но, продолжая с тех пор по-прежнему постоянно давать займы правительству весь свой капитал, по мере того, как он его увеличивал новыми подписками на акции, и постоянно развивая свое честолюбие, по мере увеличения своего номинального богатства, и находясь всегда в одинаковой бедности или лишенный постоянно действительных средств, он шел над бездной, которая, судя по законам логики, рано или поздно должна была поглотить его. Особенное обстоятельство, никем не предвиденное и никем не понятое вначале, неожиданно является к нему на помощь и определяет участь его.

В 1708 году парламент издал акт, которым в Англии и в Уэльсе воспрещалось производить банковскую торговлю и выпуск билетов всяким обществам, состоящим более чем из шести членов, кроме Английского банка. Это постановление, с одной стороны, довольно странное, произвело замечательное действие: оно

² По всей вероятности, Венецианский банк принужден был отказаться от выпуска билетов, потому что находился в подобном положении.

создало в Англии совершенно особую систему. Хотя, без сомнения, система эта ошибочна, но, несмотря на все это, она не была лишена некоторой основательности и гармонии с делом. Вся страна покрылась малыми банками, пользовавшимися всеми правами больших банков, но которые состояли не более как из шести членов. Эти-то банки и называются в Англии *частными банками* (private banks); конечно, учреждения эти вообще значительнее наших частных банкирских домов, но далеко уступают обществам. Эти частные банки, как мы только что видели, пользовались по закону правом выпускать билеты, уплачиваемые по предъявлению и на предъявителя; но на деле право это не приносило почти никакой пользы. Есть ли вероятность пустить в оборот билеты, выданные такими незначительными учреждениями? Чтоб помочь этому недостатку, они обратились к привилегированному банку, с которым их связывало нечто вроде круговой поруки.

Они приступили, таким образом, к учету векселей; но вместо того, чтоб уплачивать своими собственными билетами, они чаще всего занимали билеты у Центрального банка, которому взамен их передавали или все, или некоторую часть полученных ими векселей.

Отсюда произошла в одно и то же время смешанная и сложная система, в которой были разделены операции, долженствовавшие быть неразрывно связанными; на долю частных банков выпал учет, на долю Центрального банка — выпуск билетов. Первые давали последнему заем свои денежные средства, которые в совокупности были значительны, и этим придали ему прочность, которую, в сущности, сам по себе он не имел: в свою очередь, они получили право выпуска его билетов, которого прежде не имели и которым пользовались только, по-видимому. Принужденные употреблять при учетах своих билеты Английского банка, они должны были для собственной выгоды поддерживать обращение их в своих округах, как будто они составляли их собственные билеты, и на деле они постоянно уплачивали все предъявляемые им билеты Главного банка и часто в минуты кризиса брали на себя пред публикой формальное обязательство в том. Таким образом, они становились добровольными вспомогательными банками привилегированного банка, частными конторами, помогавшими главной конторе, и тем поддерживали его во время ослабления. Благодаря этой-то неожиданной поддержке, на которую не рассчитывали учредители, Английский банк удержался с таким блеском, несмотря на слишком очевидные недостатки в своем первоначальном устройстве, на всеми признанную недостаточность средств и постоянную непрочность своего могущества.

Чего не говорили о его удивительном успехе? Сколько гигантских планов возбуждал этот пример? Сколько нелепых теорий породил он? При виде этого учреждения, лишенного всякого наличного капитала, владеющего только одними процентами, одной рукой поддерживающего кредит государства, другой управляющего самым обширным обращением билетов, какого не имел ни один банк, каждый бы составил себе самые несбыточные предположения. Одни думали, что ему стоит только захотеть, чтобы наводнить всю публику бумагой, заменяющей звонкую монету, и открыть, таким образом, для каждого, без всяких усилий и забот с его стороны, неисчерпаемый источник богатства. Другие, более умеренные, были в главных основах того мнения, что только одно правительство имеет право пополнять бумагой все недоимки своих касс, конечно, не выходя за известные

пределы. Многие также, рассматривая эти блистательные химеры с противной точки зрения, видели в Английском банке одно лишь чудовищное учреждение, которому неоднократно предсказывали падение. Но все эти предположения снова перемешались, когда увидели, что тот же банк после векового существования в 1797 году прекратил размен своих бумаг на звонкую монету, что и продолжал делать без значительной для себя потери в продолжении более двадцати двух лет; это не возбудило бы такого удивления и не подало бы повода к ложным предсказаниям его, если бы срок этот был исследован во всей подробности. Вместо того, чтоб рассматривать банк отдельно, следовало бы взять его со всем его причетом, со всеми бесчисленными спутниками. Следовало бы также взять в расчет не только его собственные средства, но и все средства, которые хранились для него в частных банках, тогда бы можно было найти объяснение этому явлению и ясно увидеть настоящее основание колосса, и чудесность его исчезла бы.

Но все это не составляет еще нормального развития кредита. Несмотря на поддержку со стороны правительства, богатство которого в настоящее время тесно связано с благосостоянием банка, несмотря на все уменье, выдаваемое им в опасном положении, в котором он находится, несмотря на помощь, доставляемую ему частными банками, можно утвердительно сказать, что Лондонский банк не мог бы существовать во всякой другой стране, менее спокойной, чем Англия, или более ее подверженной вторжениям неприятелей. Все содействовало к предохранению его от гибели, которая при худой организации его казалась неизбежною. Нельзя также сказать, чтоб устройство частных банков было бы совершенно безукоризненно. Получив при учреждении своем слишком малые размеры для того, чтоб с успехом выпускать в оборот свои билеты, но, имея дозволение законом и по необходимости принужденные предпринять подобного рода операции, они часто испытывали ужасные бедствия. За то Англия, подчиняясь этому порядку, часто дорого платила за пользование неоспоримыми благодеяниями коммерческого кредита. Поэтому-то лорд Ливерпуль, первый лорд Казначейства, и г. Робинос, канцлер Государственного казначейства, справедливо сказали в официальном акте, представленном ими в 1828 году во время изменения этого порядка, что английские законы позволяли все роды коммерческих банков, исключая тот, который предоставлял наиболее условий прочности и обеспечения.

Оставив, однако, в стороне все условия прочности и обеспечения, можно положительно сказать, что ни Лондонский банк, ни частные банки не развили вполне учреждения коммерческого кредита: честь этого развития принадлежит шотландским банкам.

Банки в Шотландии и Соединенных Штатах

Спустя год после основания Английского банка, в 1695 году, в Эдинбурге возникло другое учреждение подобного рода, с гораздо меньшими претензиями, но зато более прочное; оно носит название Шотландского банка (Bank of Scotland). Проект его был составлен лондонским неготиантом Джоном Голлендом. Само устройство подтверждено особым актом Шотландского парламента, давшего банку права корпорации. Основной капитал его, составленный из акций в 83 фунта

Шотландский королевский банк

стерлингов, 6 шиллингов и 8 пенсов каждая, составлял не более 100 900 фунтов стерлингов (625 000 руб. серебром): капитал незначительный, но достаточный для предполагавшихся оборотов банка и всегда сохранявшийся неприкосновенно. Потому первые операции банка были очень удачные и он имел быстрый успех. Впоследствии капитал Шотландского банка увеличивался по мере расширения его оборотов, но он оставался всегда сравнительно слабым, как и вообще капиталы всех прочих кредитных учреждений Шотландии. В 1804 году он был увеличен до 1 500 000 фунтов стерлингов (29 375 000 руб. серебром) и остановился на этой цифре.

В 1727 году был учрежден Королевский Шотландский банк (Royal Bank of Scotland). Капитал в 246 550 фунтов стерлингов, назначенный Шотландии в виде вознаграждения за присоединение ее к Англии, был обращен комиссарами на этот предмет, и действительно, нельзя было придумать лучшего употребления этим деньгам. Вначале на банк было ассигновано только 111 000 фунтов стерлингов, а в 1738 году капитал определен в 150 тысяч. Впоследствии он был увеличен до 2 000 000 фунтов стерлингов и до сих пор остается в тех же размерах. Этот новый банк, получивший, подобно первому, права корпорации, действовал столь же удачно, и совместное существование обоих не вредило успешному развитию каждого.

Третий корпоративный банк был учрежден в 1746 году под именем *Льняной компании* (British linen company). Из одного названия уже видно, что он главной своей целью имел поощрение льняной промышленности, в то время совершенно ничтожной и находящейся теперь в таком цветущем состоянии. Действительно, банк этот оказал громадные услуги. Но впоследствии он распространил свое покровительство и на все отрасли промышленности безразлично и этим самым потерял свое отличие от прочих банков. Капитал его, первоначально определенный в 100 000 фунтов стерлингов, возвысился впоследствии до 500 000; но никогда не превышал этой суммы, уступавшей даже тем, на которых остановилось

большинство соперничающих банков; но это не помешало ему занять очень высокое положение, в котором он и находится до сих пор.

Все эти первые банки были сосредоточены в Эдинбурге. Глазго, второй город Шотландии, последовал примеру столицы и чрез несколько времени во всех городах Шотландии возникли банки. Необходимо заметить, впрочем, что только три названных нами банка были основаны при содействии общественной власти и получили права корпорации. Все остальные возникли сами собой и сложились в *товарищества на вере* (joint stock bank), вид торговой ассоциации, весьма распространенный в Великобритании, не нуждающийся в предварительном разрешении правительства и отличающийся от безыменных обществ (*sociétés anonymes*) только тем, что ответственность компаньонов ничем не ограничена. Но различие это очень важно и далее мы коснемся последствий такого устройства, относительно английских банков.

Весьма правдоподобно, что Шотландия заимствовала у Англии мысль учреждения банков, но она не замедлила опередить последнюю на этом поприще, прокладывая себе новые пути. Таким образом, *Шотландский банк* первый открыл с 1696 года свои конторы в других местах, а с 1704 года стал выпускать билеты в 1 фунт стерлингов на предъявителя и принимать вклады с платежом процентов, а с 1729 года начал производить ссуды на счет операций, которыми Лондонский банк никогда не занимался и которые составляют характеристическую особенность шотландской системы.

Разветвляясь по всей Шотландии, банки почти во всех пунктах страны имели своих агентов. Чрез это они распространили свое влияние, увеличили круг своих благодеяний и открыли для торговли легкие и безопасные средства сообщения, возбуждавшие особенную деятельность в торговых оборотах. Ссуды на счет, производимые ими наравне с учетом коммерческих векселей, мало отличаются от последних. Это особенный способ производить ссуды и открывать торгующим пользование кредитом. Однако в практическом применении их есть довольно значительная разница, как это мы увидим впоследствии: но способ этот имеет свою особенную пользу, уже по одному различию, ибо необходимо, чтобы и способы быть полезным были столь же разнообразны, как и потребности, которым они должны удовлетворять.

Но самое лучшее нововведение, которым мы им обязаны, есть, бесспорно, принятие вкладов с платежом процентов. По примеру первых учреждений этого рода, основанных в стране, все шотландские банки принимают вклады, минимум которых составляет обыкновенно 10 фунтов стерлингов (62 руб. 50 коп. серебром), а иногда и меньше, обязываясь выдавать их по востребованию или в предназначенные сроки, и платят на них более или менее высокие проценты, смотря по обстоятельствам. Сумма этих вкладов в шотландских банках по ревизии, произведенной в 1836 году, простиралась до 20 миллионов фунтов стерлингов (125 миллионов руб. серебром). По отчету сэра Роберта Пиля, в 1845 году она доходила до 30 миллионов фунтов стерлингов (167 500 000 руб. серебром). Сравнивая в этом отношении действия шотландских банков с образом действия прежних банков, Венецианского, Амстердамского и Гамбургского, как-будто переносишься в другой мир и с удивлением видишь успехи, сделанные на этом поприще. В Венеции, Амстердаме и Гамбурге вкладчики платили банкам за хранение

вкладов; они платили даже небольшой процент при каждом трансферте (переводе) точно так же, как при вынуждении вклада.

В настоящее время роли изменились, и теперь сами банки платят вкладчикам вознаграждение в виде процентов. Отчего же это произошло? Оттого, что современные банки приняли за правило употреблять в дело вклады, чего остерегались делать прежние. Между обоими упомянутыми образами действовать — целая бездна, и уже теперь можно предвидеть последствия такой коренной перемены.

Вначале приманка выгоды привлекла в кассы банков все суммы, находившиеся в кассах частных людей, и вследствие этого масса вкладов сильно увеличилась. Привычка помещать в банк все деньги, необходимые непосредственно, сделалась всеобщей, тогда как прежде это было в употреблении только между лицами, занимавшимися торговлей. Вследствие этого распространилось употребление трансфертов, а чрез это самое гораздо легче и совершеннее достигнута была цель, к которой стремились старинные банки и которая составляла настоящий предмет их учреждения, именно: избежание, по возможности, дорогой перевозки звонкой монеты.

Кроме того, вклады не остались тем, чем они были прежде, — простым материалом для трансфертов; они сделались еще орудием экономии и порядка. Всякий, имевший у себя известную сумму денег, ненужную ему на некоторое время, мог извлекать из нее выгоду, в ожидании той минуты, когда она ему понадобится. Какое сбережение общественного богатства! Какое постоянство деятельности в его употреблении! Ни одна способность не остается праздною, ни малейшая частица звонкой монеты не остается без употребления ни на один день.

Обыкновение помещать деньги в банк, распространяясь все более и более, проникло, наконец, и до низших классов общества, и на долю шотландских банков выпала новая неожиданная, вместе с тем высокая обязанность. Рядом с капиталами богачей к ним стали поступать и незначительные сбережения бедняков. Составляя сохранные и резервные кассы для первых, они сделались для последних кассами сбережений. Шотландские банки с успехом исполняли эту священную обязанность задолго еще до того времени, когда в Англии и Франции сделалось известным столь популярное теперь название *сберегательных касс*. Будучи лучше организованы и имея возможность пускать капиталы в обращение посредством ссуд и учета, они не имели надобности, как последние, определять меру своих благодеяний; они не постановляли точного предела, на котором должна была останавливаться цифра вкладов одного лица. Потому трудолюбивый работник, вверивший им свои деньги, мог рядом дополнительных вкладов и оставлением в банке причитавшихся на них процентов увеличивать размер своего вклада до назначенного им самим предела и, таким образом, не только составить себе резервный фонд на случай болезни и застоя в работе, но и подняться выше своего состояния, устроив на свои деньги собственную мастерскую. Шотландские банки представляют собой самые полезные учреждения, распространяющие в народе надежду и в то же время идеи порядка и заботливость о будущем. Потому они долгое время заменяли собой сберегательные кассы, в то время еще не известные, а теперь составляющие необходимое дополнение банков.

Можно составить себе понятие о том, до какой степени вся масса вкладов, принимаемых банками и возвращаемых ими торговле в виде ссуд, увеличила

силу кредитных и учетных учреждений. Не употребляя даже в дело своих собственных капиталов, они в одних вверенных им вкладах нашли бы достаточную массу капиталов для удовлетворения всем требованиям значительных ссуд и учета бесчисленных векселей.

В 1826 году в системе английских банков произошла важная перемена. Затруднения в торговле, явные успехи шотландских банков и признанная непрочность банкирских домов побудили парламент отменить акт 1708 года, которым было запрещено учреждать в Англии банки товариществ, состоявшим более чем из шести членов; по крайней мере действие этого постановления было ограничено пространством на шестьдесят пять миль кругом Лондона. Начиная с этого времени, в Англии рядом с банкирскими домами возникают товарищества на вере, учреждаемые на основаниях шотландских банков. Сначала они распространялись очень медленно, так что в 1833 году их было всего тридцать четыре, но в последующие годы число их умножилось с такой быстротой, что в 1836 году их считалось уже до 80. Хотя в устройстве своем они встретили значительные затруднения со стороны английских законов, препятствовавших свободному образованию торговых обществ, и хотя вообще устройство и управление их были ниже шотландских банков, тем не менее они не замедлили оказать благотворное влияние на кредитную систему Великобритании, исправив и дополнив ее недостатки.

В том же 1826 году в Англии запрещен был выпуск в обращение билетов ценностью менее 5 фунтов стерлингов. Между тем Лондонский банк неоднократно испытывал выгоду употребления мелких купонов, помогавших ему выпутываться из опасных кризисов; но правительство было поражено тем обстоятельством, что билеты на малые суммы чаще других подвергались подделке. Впрочем, запрещение это не было распространено на Шотландию. В то же время Лондонский банк стал учреждать свои конторы в провинциях. Он постепенно завел их в Глостере, Манчестере, Бирмингеме, Лидсе, Ливерпуле, Бристоле, Эксетере, Ньюкэстле, Гулле, Норвиче и т.д.

Система ирландских банков, скопированная прежде с системы банков собственно Англии, с такими же ограничениями и еще большими злоупотреблениями, была так же преобразована в 1826 году и в таком же духе.

Северная Америка очень рано вступила на путь кредита при помощи коммерческих банков. Еще в то время, когда она была английской колонией, в ней делались попытки для развития кредита, но только впоследствии кредитные учреждения стали распространяться в ней с постоянно возрастающим успехом. В 1811 году во всем Американском Союзе было только 88 банков, общий капитал которых простирался до 42 609 101 долл. (около 57 500 000 российских рублей; в 1816 году число их почти утроилось, потому что в эту эпоху было всего открыто 246 банков с капиталом в 89 822 297 долл. (около 121 250 000 российских рублей) в 1820 их считалось 307 с капиталом в 101 714 551 долл. (около 135 619 000 р. с.); в 1830 году — 328 с капиталом в 110 186 608 долл. (около 146 915 000 р. с.). В последующие годы число их увеличивалось еще быстрее, до тех пор пока кризис 1837 года, возбужденный непримиримой враждой к ним президента Джексона, не подорвал значительное число их; но это обстоятельство не надолго задер-

Первый банк Соединенных Штатов, год открытия — 1791, год закрытия — 1811
(Филадельфия, Пенсильвания)

жало их развитие, и в 1838 году, по свидетельству г. Кэри, на всем пространстве Союза находилось 677 банков с капиталом в 378 млн долл. (516 300 000 р. с.).

В 1816 году в Соединенных Штатах основано было центральное кредитное учреждение под именем *Банка Соединенных Штатов*. Пятая часть его капитала, определенного в 35 миллионов долларов, дана была правительством, которое, кроме того, даровало ему много привилегий, между прочим, исключительное право на хранение и управление государственными фондами.

Благодаря своим собственным средствам и исключительным преимуществам банк этот вскоре затмил своим блеском все прочие и занял даже особое положение в недрах самого Союза. Но в 1837 году, вследствие несогласий с правительством, он лишился всех привилегий и спустился с высоты своего могущества. Теперь он не что иное, как банк штата Пенсильвания, и почти сравнился с банками других штатов.

Существенное отличие банков Соединенных Штатов от английских и шотландских состоит, собственно, в образе их устройства — как обществ. В то время как английские банки почти все сложились в товарищества на вере, т.е. ассоциации, в которой все члены отвечают всем своим имуществом за обязательства общества, банки Соединенных Штатов, не столь стесняемые в своем устройстве, сложились большей частью в безыменные или акционерные общества (товарищества на паях), где каждый член отвечает только той суммой, которую он внес в капитал общества. Обстоятельство это кажется чуждым как природе, так и операциям банка, но тем не менее оно имеет заметное влияние на операции. Это не значит, что в Соединенных Штатах можно было учреждать товарищества, не испрашивая на то ни у кого разрешения. Там, как и во всей Европе, необходимо дозволение правительства; но дозволения эти, разрешаемые правительствами каждого штата в пределах своего штата, получаются там гораздо легче. В этом отношении, по нашему мнению, банки Соединенных Штатов составляют шаг

вперед в сравнении с английскими и шотландскими банками. Потому, несмотря на предрассудок, распространенный на их счет во всей Европе, а в особенности во Франции, мы постараемся доказать на основании фактов, что они превышают и те, и другие, не только своим энергическим влиянием на торговлю, но и прочностью своего существования.

После сказанных нами слов в пользу учреждения банков, нам не остается уже упоминать ни об одном действительном успехе в ряду уже существующих фактов. Поэтому мы не станем выводить на сцену коммерческие банки других стран, как, например, французские или бельгийские. О них мы будем говорить тогда только, когда станем сравнивать различные условия существования и действия их. Теперь же мы желали представить только исторический обзор банков, отмечая, по возможности, все успехи кредитных учреждений в их главных фазах, и обзор этот, естественно, должен быть окончен на том, на чем остановился последний их шаг развития. В последующей главе постараемся представить краткий, но основательный и полный очерк существенных понятий о кредите; в дальнейших же отделах книги мы снова коснемся основных идей, на которых зиждется всякая система кредита.

*Материал предоставлен и подготовлен к публикации
Цифровой академической библиотекой «Автограф»*

URL: <http://avtograf-library.ru>